

Фэн Ян наострил уши, слушая их разговор, от любопытства даже покраснел.

Цан Ицзин, увидев, что Чжун Жуйчжи смотрит на цветы, сказал:

— В Гуанчжоу тоже много белых магнолий, но не как в Шанхае, где две-три штуки собирают в маленький букетик и носят с собой. Здесь используют листья, десяток цветов собирают в большой букет, обёрнутый вместе. Та, что ты посадил в Пекине, ещё цветёт?

Машина медленно тронулась, Чжун Жуйчжи кивнул:

— Каждый год цветёт.

— Ты мне ни разу не прислал, — Фэн Ян никогда не слышал, чтобы Цан Ицзин так говорил, с интонацией, с изгибом, кокетливо.

— В Гуанчжоу они на каждом шагу, — в тёплых местах период цветения белых магнолий длительный.

— Твои другие, — сказал Цан Ицзин.

Маленький немой был в шоке, похоже... действительно... муж-невеста!

— Я всё время в Шанхае, за цветами не ухаживаю, так что их нельзя считать моими, — ответил Чжун Жуйчжи.

— Ах, да, — Цан Ицзин взял его за руку, естественно, держал, пока говорил. — Брат Цзя сказал, что в первый год ты поступил в университет в Пекине, но через два месяца бросил.

— Угу, — сказал Чжун Жуйчжи. — Я и не хотел туда идти, — он опустил глаза на руку, которую держали, взглянул на него на переднем сиденье, хотел отодвинуться. — В Пекине учил английский, что в этом интересного?

Цан Ицзин улыбнулся:

— Я как раз учу.

— Пригодится? — спросил Чжун Жуйчжи.

Цан Ицзин кивнул:

— Много книг по финансам на английском. И... Шэньчжэнь открывается как портовый город для внешнего мира, когда я был в Гонконге, их контракты были на английском.

— Тогда... Если хочешь учить, я могу... — начал Чжун Жуйчжи.

Он хотел сказать, что может научить, но Шанхай и Шэньчжэнь довольно далеко друг от друга.

— Найти тебе книги.

— Ты меня больше не будешь учить? — спросил Цан Ицзин. — Как... Раньше.

Фэн Ян: М-м? А это что за история, вот почему Цзин Гэ знает английский, притворяется иностранцем, как настоящий, оказывается, муж-невеста учил, муж-невеста ещё и студент. Красивый, конечно, но... мужчина...

Цан Ицзин говорил это, глядя прямо в глаза Чжун Жуйчжи, с обожанием, которое даже не пытался скрыть.

Раньше он смотрел так? Да, когда его идеальный пресс переходил вниз, когда он, добившись своего, прижимался к Чжун Жуйчжи, он всегда смотрел на него таким взглядом.

Но это был взгляд, который он не мог позволить себе показывать при людях, теперь он демонстрировал его без стеснения.

Как учили раньше?

Прочитал слово — поцелуй, написал сочинение — обними, даже когда писал тест, нужно было обнимать.

Как раньше? Какие шутки?

Чжун Жуйчжи хотел всё прояснить:

— Когда ты женишься?

Он несколько раз упоминал невесту, жену, но Цан Ицзин никогда не отвечал прямо.

— У тебя на родине... Есть ещё какие-то детские друзья, о которых я не знаю?

Маленький немой недоумевал: Разве его невеста не ты?

Цан Ицзин рассмеялся, низко, с дрожью в плечах, как будто это было что-то очень смешное, он не мог остановиться.

Его маленький господин ревновал, спустя два года, он всё ещё ревновал к нему.

— Чему ты смеёшься? — Чжун Жуйчжи не выдержал и ударил его пару раз.

— Ты помнишь, как однажды ты настаивал на том, чтобы поехать с Чжуан Сяоянь в город, и я злился? — спросил Цан Ицзин.

— Это было сто лет назад, — он, конечно, помнил, в ту ночь они боялись приблизиться друг к другу, но не могли расстаться, всю ночь спали, держась за руки.

..... Как

Сейчас, держась за руки.

Он не хотел признавать, что помнит, и Цан Ицзин начал рассказывать всё, что произошло в тот день, до мельчайших деталей:

— Я всё ещё помню, никогда не забуду, в тот день я... — он слегка сжал руку Чжун Жуйчжи, и тот почувствовал, что он сейчас скажет что-то не то.

Впереди был человек, он сразу же прервал:

— Ладно, ладно, не говори, я вспомнил.

— Ты знаешь, что в тот день я...

Снова прервал:

— Правда вспомнил!

Он закрыл рот Цан Ицзину, глазами показывая: О чём ты говоришь, впереди человек!

Фэн Ян, ведя машину, украдкой смотрел в зеркало заднего вида. Подумал, что эта поездка того стоила, увидел, как владыка ада кокетничает, и ещё флиртует с мужчиной.

Цан Ицзин отстранил руку Чжун Жуйчжи, пнул сиденье:

— На что смотришь, выколю глаза, веди машину.

Фэн Ян сразу же замахал руками, мыча, показывая, что не смотрит, затем одной рукой прикрыл уши, а потом указал на рот, показывая, что даже если услышит, не сможет рассказать.

Рассказать не сможет, но может показать жестами.

Цан Ицзин, взяв его с собой, знал, что так и будет, он не скрывал, он хотел всем показать, что его любимого зовут Чжун Жуйчжи, и это мужчина.

Он снова рассмеялся, затем снова обратился к Чжун Жуйчжи с предельно мягкой интонацией:

— Дослушай меня. Как бы ни были устроены наши души — его и моя — они сделаны из одного и того же.

«Грозовой перевал»?

— Только я понял: ты и я — одно и то же, — сказал Цан Ицзин.

— Что одинаково? — спросил Чжун Жуйчжи.

Одинаковые души? Что это значит?

Цан Ицзин с улыбкой поднял бровь:

— Ты ревнуешь.

В ту ночь Цан Ицзин ревновал к Чжуан Сяоянь, а Чжун Жуйчжи с тех пор, как услышал слово «невеста», ревновал без причины.

Цан Ицзин видел, как он нервничает, даже уголки глаза подрагивают, с трудом сдержал улыбку:

— Не буду над тобой смеяться.

— Хватит нести чушь, — сказал Чжун Жуйчжи. — Если не объяснишь, останови машину.

Цан Ицзин поспешно сказал:

— До Шэньчжэня ещё далеко, что останавливать. У меня есть невеста...

Тем более нужно остановить, Чжун Жуйчжи вырвал руку, хотел крикнуть, чтобы остановили, но Цан Ицзин обнял его за плечи и прижал к сиденью:

— Брошь была куплена для невесты, я уже подарил её.

Эти слова ещё больше взбесили Чжун Жуйчжи, он шлёпнул Цан Ицзина по рту, глаза покраснели:

— Ты совсем с ума сошёл!

Цан Ицзин обнял его пушистую голову, обеими руками гладил его волосы и смеялся:

— Чжун Жуйчжи, какая у меня болезнь, ты не знаешь? Даже если ты убьёшь меня, эту болезнь я унесу с собой в гроб.

Чжун Жуйчжи пнул его по икре:

— В машине неудобно, выйдем — прибью.

Цан Ицзин прижал его голову к своей груди:

— Хороший удар, если бы на Олимпиаде было такое соревнование, ты бы точно взял золото. Раньше ты уже бил меня в солнечное сплетение, выйдем — продолжишь?

Чжун Жуйчжи на самом деле не злился, просто стеснялся.

Цан Ицзин тоже это знал.

Поэтому, пока они шутили, Чжун Жуйчжи вдруг рассмеялся:

— Золото?! Ты мне его добудь! Отпусти!

<http://tl.rulate.ru/book/5573/197284>